

Елена Данченко

Принцессы княжества Торн

Давным-давно в германских землях находилось одно маленькое независимое царство-государство, в котором правили только женщины...

И ничего-то мы не узнали бы об этом государстве, если бы несколько лет назад к нам не пожаловали гости из Гааги. За обеденным столом они высказали пожелание посетить выставку «Забывтые принцессы Торна», организованную центральным музеем Лимбурга в городе Венло.

— Конечно, съездим, — отозвался мой гостеприимный голландский муж. Сказано-сделано. На следующий день я осталась дома на хозяйстве, а гости с мужем покатали в музей.

Компания вернулась в полном восторге от выставки: «Это стоило наших усилий!» — восклицали они на голландский манер, а на мой вопрос: «Кто же такие эти принцессы?» — ответили: «Мы и сами не поняли до конца. То ли монахини, то ли амазонки». Через пару дней гости уехали, а мне нештучно захотелось посмотреть выставку и городок Торн в придачу. На выставку я так и не попала, увы мне, потому что мы вскоре уехали в другую страну, а вот в Торне мы побывали, и это, безусловно, «стоило наших усилий».

Торн... Было когда-то на границе Германии, Бельгии и Нидерландов такое маленькое княжество, совсем миниатюрное. Сейчас от него остался мини-город, носящий свое историческое имя и еще прозвище «Белый городок» (*Witte stadje*), и находится он уже в королевстве Нидерланды.

История Торна гласит, что до десятого века на его месте были болота возле крупной римской дороги между Маастрихтом и Неймегеном. Болота со временем осушили, и в десятом веке здесь основали женский монастырь — аббатство. Подробности возникновения аббатства неясны, но принято считать, что монастырь был основан графом и одновременно епископом из Утрехта Ансфридом и его женой Хилсондис в 972 году. Их дочь Бенедикта стала первой настоятельницей монастыря. Церковь аббатства в романском стиле была построена в 992 году. В общину женщин входили только представительницы высшей знати — из аристократических семей. Вполне вероятно, что Торнский монастырь изначально принадлежал к ордену бенедиктинцев, но в тринадцатом веке он постепенно превратился в свободную общину (*Damen stift*) светских канонисс. С этого времени монахини больше не жили сообща, но у каждой был дом по соседству с церковью, хотя они по-прежнему должны были ночевать в общей спальне в здании аббатства. В начале четырнадцатого века, а именно в 1310 году, они обратились с петицией к папе римскому с просьбой разрешить им снять черную верхнюю одежду, напоминающую об обычном монашеском прошлом, на что они впервые получили разрешение в 1497 году. С тех пор канониссам Торна уже не тре-

---

Елена Данченко — поэт, прозаик, переводчик, журналист. Окончила факультет журналистики КГУ (Кишинёв). Автор 6 книг стихов. Печаталась в журналах «Урал», «Дружба Народов», «Новая Юность», «Знамя», «Смена», «Москва», «Иностранная литература», «День и Ночь», «Зарубежные Записки», «Дарьял» и др.

бовалось принимать монашеские обеты, и им разрешалось владеть личной собственностью. Благородные дамы вели обычную, хотя и роскошную и несколько уединенную жизнь. И, только посещая мессу, они должны были надевать монашескую одежду для хора. Они могли также наблюдать за мессой из женского хора в западной части церкви аббатства, так что им не нужно было находиться среди обычных прихожан.

Императорский статус аббатства был подтвержден в 1292 году германским королем Адольфом Нассауским. При римском императоре Максимилиане Первом аббатство находилось под особым императорским покровительством. В имперском регистрационном журнале города Вормса аббатство было записано как «рейхсунmittelбархейд» (*Reichsunmittelbarkeit*), что переводится как имперская непосредственность. Этот термин, по сути, привилегированный конституционный и политический статус, основанный на немецком феодальном праве, в соответствии с которым имперские владения Священной Римской империи, такие как имперские города, княжества-епископства и светские княжества (а также отдельные лица, такие как имперские рыцари), были объявлены свободными от власти каких-либо местных властей и помещены под непосредственную власть императора Священной Римской империи, а затем институтов империи, таких как Сейм (Рейхстаг), Имперская палата правосудия и Городской совет. Аббатство Торна было членом Нижнего Рейнско-Вестфальского круга и Рейнской коллегии имперских прелатов.

В 17-м веке губернаторство испанских Нидерландов попыталось ограничить имперскую непосредственность. Настоятельница успешно сопротивлялась этим попыткам. В 18-м веке они носили уже титул принцесс. Несколько настоятельниц одновременно возглавляли аббатство города Эссен.

До сих пор нет никаких серьезных исследований о жизни канонисс Торна в ранний период. Так уж получилось, что Торн не вошел ни в одну национальную историю, которая — несмотря на всю интернационализацию — была и остается формой, в которую веками отливало прошлое. Будучи независимой территорией в составе Германской империи, Торн не принадлежал Австрийским Нидерландам, предшественнику бельгийского государства. Поскольку французы вторглись в Торн в 1794 году, это мини-государство было молчаливо включено в состав революционной Франции 1 октября 1795 года, и его связь с Германской империей была потеряна. Современные немецкие историки, по понятным причинам, с осторожностью относятся к истории территорий, которые когда-то были частью Германской империи, но теперь не входят в границы современной Германии. После ухода французов в 1814 году Торн стал частью Соединенного королевства Нидерландов. При разделе поместий между Севером и Югом (между Нидерландами и юной в те поры Бельгией) в 1839 году Торн был передан Нидерландам. Но Торн не имеет никакого отношения к прошлому Республики Семи Соединенных провинций. Вот Торн и остался сиротой без родины, и некому позаботиться об особой истории этой бывшей империи женщин.

Есть еще одна причина, по которой княжество Торн упорно игнорировалось европейскими историками. Женская история была процветающей ветвью исторической науки в течение нескольких десятилетий, но даже изучающие именно эту ветвь специалисты долгое время воротили нос от знатных дам. В истории женщин эмансипационная перспектива долгое время была чем-то само собой разумеющимся. История женщин — это прежде всего история тех женщин, которые в прошлом, особенно в девятнадцатом и двадцатом веках, боролись за равные права в обществе. Дворянство с его откровенно реакционным отношением было противоположной стороной движения за освобождение женщин. Чего могло ожидать женское движение от привилегированной группы лиц, которая отвергала равенство всех людей в принципе? Вот и вышло так, что благородные дамы Торна не были репрезентативны как предмет исследования женской эмансипации. Тот факт, что эти благородные дамы восемнадцатого столетия подчас обладали свободой

действий, о которой женские активистки девятнадцатого века могли только мечтать, оставался тщательно скрытым. Прошло немало времени, прежде чем историки смогли взглянуть на старинную организацию Торна более раскованным взглядом и серьезно отнестись к таким явлениям, как дворянство, двор и женская община канонисс — явлениям, которые потеряли свое право на существование в современном обществе. Впервые возник интерес ко двору и мужской знати, за которым в 1990-х годах последовал интерес к женской знати. В самом двадцать первом веке, вероятно, уже появилось больше академических книг о благородных дамах, чем за весь двадцатый век.

Что, собственно, известно о штифт-дамах? Чтобы стать членом Торнского штифта, нужно было предоставить генеалогическое древо с шестнадцатью дворянскими предками, не меньше. Большинство семей благородных дам происходили из высших дворянских кругов, в основном германских (позже — фламандских и голландских), и принадлежали к элите Священной Римской империи.

Вместе с настоятельницей, диаконисой (председательницей) и четырьмя, позже шестью (мужчинами) канониками канониссы образовывали капитул, который решал все вопросы общины и ее имущества. Капитул выбрал новую настоятельницу из ее числа.

Монашеских обетов они не принимали, носили роскошные светские платья, часто с глубокими декольте, устраивали балы, танцевали, музицировали, ездили верхом и охотились, путешествовали. Они издавали законы и чеканили свою монету — торнский талер. Они могли даже выйти замуж, но при этом переставали быть канониссами и теряли власть в общине. Примерно половина девушек, проживающих в Торне, создавали семьи, а женихов им подыскивали родители среди знатнейших родов Европы. Если женихи не находились, дамы оставались жить в Торне и вели безбедную и комфортную жизнь. В восемнадцатом веке канониссы обязаны были проживать в аббатстве круглый год, за исключением каникул, которые могли продолжаться не более шести недель в году, но на практике дело обстояло по-другому. Некоторые дамы принадлежали к нескольким аббатствам. Мария Иосифа из Хатцфельда и Глейхена, например, была членом аббатств в Торне и Эссене в течение 46 лет. За это время она прожила в Эссенском аббатстве четыре года, но никогда не была в Торне.

Глава-настоятельница штифта жила в небольшом дворце, который не сохранился, — сохранилась только территория дворца, окруженная аутентичными стенами, и некоторые хозяйственные постройки. В стенах аббатства находилось здание курии (совета) для диаконис и пять домов для дам; другие дамы построили себе дома за пределами территории аббатства, и многие из зданий сохранились до сих пор.

В 18-м веке принцесса-аббатиса занимала место на скамье прелата в рейхстаге при Рейнском прелатском государственном банке рейхсфюрера. У нее, правда, не было так называемого мужского голоса, как у «настоящих» принцев, например, принца-епископа Льежского и герцогов Гулика и Клеве. Настоятельница имела право на коллективное голосование вместе с восемнадцатью другими представителями и один совместный голос курии (разряд избирателей по сословному, имущественному или иному признаку). Она не была причислена к государственной трибуне, равно как и штифт Торн не был к ней причислен.

«Скользки каменные полы дворцов, но еще более опасны ковры в салоне, где правят женщины» — вот как священник-историк Хабец писал о штифт-Торне в 1872 году. Здесь мы видим еще одну причину, по которым исследования о дамах высшей знати все еще находятся в зачаточном состоянии: отвращение к женщинам, находящимся у власти, в сочетании с почти столь же глубоким неприятием неизвестного придворного мира. Кстати, не стоит приписывать женоненавистничество священнослужителю Хабецу: он всего лишь процитировал — без ссылки на источник — сомнительный текст, который появился на немецком языке двадцать одним годом ранее.

Штифт-дамы собирали налоги с подданных, принимали дипломатов и писали письма. Так что узнать, насколько опасными были «ковры в их салонах», можно только из корреспонденции.

Изучение дворянства часто представляет собой мозаику, которую историк каждый раз складывает из всевозможных разрозненных фрагментов информации о разных людях. Редко находится достаточно писем, чтобы высказать мнение о жизни одного или нескольких людей. Историк Рейндерс тщательно изучила книги друзей знатных женщин из северных Нидерландов конца шестнадцатого и начала семнадцатого веков. «...На самом деле — из-за почти полного отсутствия писем и других документов — нельзя указать ни на какие [другие] источники, которые так близко подводят нас к миру опыта и жизненных идеалов благородных женщин того времени», — пишет она.

Только в конце семнадцатого и в восемнадцатом веках источники становятся более внятными и обильными. В тот период наблюдается бум как грамотности, так и почтового трафика. Письма знатных женщин Торна сохранились в некоторых семейных архивах. Но преувеличивать все-таки не стоит: многие знатные женщины имели привычку сжигать письма после прочтения и ответа на них. Чаще всего переписки носят фрагментарный характер: редко сохранились целые серии писем. Именно поэтому еще один голландский историк, Кяуперс-Браун, в своем исследовании о штифте Эссен сумел лишь точно обозначить повседневную жизнь дам из штифта. Сохранились и другие источники, освещающие жизнь штифт-дам. Вот, например, любопытный эпизод из жизни предпоследней настоятельница Торна Франциски Кристины ван Пфальц-Зульцбах, правившей с 1717 по 1776 год. Почти анекдотичная история взята из «Протокола Торна» (1757–1766), рукописи, в которой Франциска записывала свои действия. Тогда точно так же, как и сейчас, было много жалоб на вечеринки и слишком много молодежи, предающейся неумеренному пьянству, с которым руководительница мини-государства боролась, как могла. В постановлении, прибитом к дверям церкви и зачитанном с кафедры, Франциска требовала строгости и дисциплины. Она объявила, что в противном случае не только молодых людей, но и их родителей, а также работодателей и владельцев гостиниц и трактиров могут ожидать серьезные санкции. Помогли ли ей эти меры, остается невыясненным.

В протокольной книге рассказывается о «Прядильнях» — зимних сборищах девушек-прядильщиц, на которых появлялись пьяные поклонники. Если их ловили, то взыскивали с них штраф в шесть гульденов плюс шесть фунтов пчелиного воска — по крайней мере, таково было наказание, наложенное на одного из женихов, некоего Арнольда Плейнссена, батрака из соседнего Стрампроя, — история сохранила имя бедолаги, попавшего под санкции.

В том же Протоколе «от Франциски» описывается праздник Крещения (по-голландски *Driekonigen*, что можно перевести на русский язык как праздник Трех королей): в этот день устраивали День супа. Капелланы и певчие монастыря присоединялись к обширному застолью с супом, овощами, мясом и вином. Детям школьного возраста давали по ломтику белого хлеба, намазанного толстым слоем жира, и мелкой медной монетке.

При необходимости принцесса Торна могла и силой утвердить свою власть. В сентябре 1761 года папа назначил капеллана в приходскую церковь, против чего Франциска резко возразила и написала протест, ведь назначение капелланов было ее собственной обязанностью, а не папы римского. И когда в один прекрасный день Годафридус Лемменс — так звали капеллана — вступился за интересы деревенских жителей, одна из штифт-дам пригрозила потащить его в суд. Годафридус был связан угрозой по ногам и рукам, отступился от своих претензий, а барышня простила его и предложила вместе распить бутылочку вина за перемирие.

Франциска не только угрожала и протестовала, но и заботилась о своих подданных. Чтобы избавить свое владение от необходимости поставлять солдат для армии, она предложила германскому императору выкуп в размере 116 гульденов за солдата в год.

В 1762 году она выделила 3000 гульденов на открытие школы для девочек; процентов, которые приносила эта сумма, было достаточно, чтобы платить годовое жалованье школьной учительнице. Учительнице вскоре было позволено принадлежать к высшей знати и отвечать за образование десятков принцесс со всей Европы. Сама принцесса-настоятельница Торна также занималась образованием и эмансипацией девочек из деревни.

В департаментском архиве в Труа хранится архив Ксавье, принца Саксонского, родного брата Кунегонды Саксонской, последнего монарха-настоятельницы Эссена и Торна. Во время Французской революции французское государство конфисковало этот архив. Насчитывающая более ста тысяч писем, это одна из крупнейших коллекций восемнадцатого века, исходящая от одного человека. Эта коллекция включает тысячи писем от родственников Ксавье, в том числе от Кунегонды и о ней. В двадцать первом веке эти письма были оцифрованы и стали доступными через интернет, но даже они почти не используются для систематического исследования.

Семейный архив Зальм в Анхольте, крупнейший частный архив Северного Рейна-Вестфалии, содержит тысячи писем о жизни этой семьи в восемнадцатом веке, многие из которых относятся к женщинам из этой семьи, которые были вдовствующими в Торне и других главах, или были написаны ими. Исследователи еще почти не обращались к этому архиву, и его еще предстоит разобрать и детально изучить.

Мы попали в Торн вне туристического сезона — в феврале, в очень солнечный, но прохладный день. Заехали прямо в центр, на знаменитую каменную мостовую, сложенную из речной гальки реки Маас, для того чтобы канониссы не пачкали свои драгоценные юбки. Мостовая удивительно чистая и в наше время: по улицам можно ходить в домашних тапочках, не опасаясь занести грязь в дом. Торн поразили тишиной и особенным светом, который отражали выкрашенные белой краской дома. Удивило множество заложённых кирпичами окон. Происхождение белизны домов, а также исчезновение окон относятся к 1794 году, когда в княжество вошли французские войска. Введенный французами странный налог, основанный на размере окон, вынудил жителей Торна заложить многие из них. Чтобы скрыть камни разного размера, горожане побелили стены своих домов белой известью. С тех самых пор к Торну и прикрепилось прозвище «Белый городок». Французская эра закончилась после битвы при Ватерлоо (1815), последнего сражения Наполеона, но даже сегодня большинство домов ослепительно белые. В старом городе — центре Торна сто пять объектов были удостоены статуса королевских монументов и находятся под охраной государства.

Мы шли по улице, отмечая интересные дома и детали. Например, на одном из зданий висит старинная табличка, возвещающая о том, что в доме жил дипломированный кузнец, подковывающий лошадей. Перед входом в бывшее жилище кузнеца на фоне белой гальки выложена темными камешками подкова. А вот арка между двумя домами, а в ней висит шестнадцатититировожковая люстра в виде свечей, вполне домашняя, и свет почему-то включен. Так что арка — «днем с огнем». На многих дверях очень красивые начищенные медные ручки, везде разные.

Улица идет вниз под небольшим наклоном и приводит нас к большой красоты центральному собору. Романская церковь аббатства, построенная около 992 года, была в значительной степени перестроена в готический период и приобрела роскошный интерьер в стиле барокко в период оногo. Интерьер мы, правда, так не увидели: храм оказался закрыт по причине обычного, не воскресного дня нетуристического сезона. К собору примыкает городское

кладбище, что нетипично для центра голландского города, даже старинного. На кладбищенской стене — большая гранитная плита, посвященная героям-бельгийцам из бригады Пирона, которые, как гласит надпись, «пожертвовали своими молодыми жизнями при освобождении Торна и близлежащих земель от фашистской оккупации». Даты смерти укладываются в период с сентября по ноябрь 1944 года. Могилы горожан на кладбище разные, многих хоронили в одной и той же могиле ярусами, и есть захоронения нашего, двадцать первого века.

Напротив собора и кладбища располагаются модные бутики и кафе. Мы зашли в самое большое кафе-блинную под названием «Дом каноника», и нам там очень понравилось. Перед входом стоит рекламка — на грифельной доске мелом написано: «Ты не можешь купить счастье, но ты можешь купить блины, а это почти то же самое». Старинное здание вмещает в себя три зала внизу, сколько-то наверху (мы не поднимались), а у входа есть даже колодец, покрытый стеклом и сверху красивой витой решеткой с изображением виноградных листьев. В Лимбурге колодцы часто рыли прямо в домах, у входа, и черпали из них воду на самые разные нужды. В колодце давно нет воды, но его оставили для оригинального декора. В центре первого зала, где мы расположились, заказав блины с яблоками и сахарной пудрой, находится камин, а с потолка свисают люстры, напомнившие увиденную нами в арке, только восьмирожковые и украшенные медными дубовыми листьями. Из любопытства мы заглянули во второй и третий залы и нашли на стене среди портретов канониссы изображение дворца канониссы-настоятельницы, по всей видимости, это копия старинной литографии.

Из кафе мы двинулись прямо к дворцовым стенам. Слева и справа на улицах стоят белые дома. Прошли небольшое здание школы начала восемнадцатого века. Табличка на здании гласит, что якоря были установлены на стенах, когда здание в 1701 году было перестроено и покрыто двускатной крышей между верхними фасадами с косичками и лепниной «мышинный зуб». На этой же улице расположен вход в аббатство, в котором благородные дамы княжили целых восемь столетий подряд. Дворца больше не существует (он сохранился только на гравюрах). Во дворе красуется памятник создателю Торнского аббатства Ансфриду, установленный в 1992 году в честь тысячелетия основания монастыря, который постепенно превратился в светское женское княжество. Стены аббатства сохранились, как и ворота в него — но только одни. Всего ворот было восемь. С внутренней стороны не стене, вдоль которой располагался дворец, навешаны крупные плиты из полированного гранита. Под изображением двух скрещенных копий выгравированы имена всех аббатис начиная с десятого века. Самой первой была дочь отца-основателя Торна Бенедикта, и она правила с 992 по 1010 год. За ней у власти стояли последовательно: Герберга, Хильгардис, Годейлдис, Бухардис, Алейдис, Одилия ван Убах, Элизабет, Ютта, Хильдегонда ван Борн, которая правила до 1273 года. Правили аббатисы подолгу, от 15 до 60 лет. То ли женихов подходящих для них не оказалось, то ли свобода и власть были им дороже замужества и семьи...

Переиначивая знаменитые стихи: «я список дам прочла до середины». Всего таких плит, густо исписанных именами княгинь-аббатис, четыре. Но титул принцессы-аббатисы присваивается только с пятнадцатого века. Самую последнюю звали Мария Кунегонда Саксонская, и она правила с 1776 по 1797 год. О последней аббатисе известно немало по причине сохранности писем и документов. У нее была прекрасная родословная, и она осталась незамужней. Мужчины, готовые к женитьбе, бледнели, когда ее видели, и спешили пройти мимо; в ее собственной семье девушку ругали за внешность, ибо никто не был так уродлив, как Куку — таково было домашнее прозвище Кунегонды. Мотивации к замужеству у нее тоже не хватало; она не проявляла никакого интереса к мужчинам. С другой стороны, в своих письмах она ничего не писала об интересе к женщинам. «Во второй половине 18-го

века понятия гомосексуальности еще не существовало, поэтому немислимо, чтобы Кунегонда считала себя лесбиянкой», — заключает историк Вельтен в своей книге «Забытые принцессы Торна».

Кунегонда присоединилась к аббатству годом ранее своего назначения принцессой-настоятельницей Торна и возглавляла капитул из четырнадцати штифт-дам фонда и шести канонисс, которые имели право на пропорциональную долю доходов фонда. Музыкальные таланты Кунегонды были велики. Она сыграла главную роль в опере «Талестри, королева амазонок» (которая исполняется до сих пор), написанной ее невесткой Марией Антонией, и была одной из лучших клавесинисток Германской империи. Многие из ее слуг были профессиональными музыкантами. Не отсюда ли произрастают корни «Музыкальной деревни», которым Торн называют и по сей день. Помимо музыкальной одаренности Кунегонда была страстной охотницей; она ездила верхом и стреляла, как лучший из стрелков княжества. Ее конюшня с семнадцатью лошадьми имела отдельный выход, включая мост через Иттер-бейк (ручей Иттер), чтобы она могла выйти ранним утром покататься верхом и остаться незамеченной.

В сентябре 1791 года принцесса-настоятельница Кунегонда устроила семейную встречу в своем дворце в Торне. Приехали представители *crème de la crème* — здесь были рады только высшей знати, особенно из Германской империи. Во дворце только что завершился длительный период строительства: перепланировки и реновации. Кунегонде, самой высокопоставленной из дам Торна, не терпелось показать, насколько красиво все получилось. Дворцу была придана форма каре. Двускатная крыша была заменена на мансардную, чтобы разместить под ней прислугу. Внизу был просторный салон, украшенный пастельно-голубыми стенами, белыми колоннами и орнаментами. Все комнаты были отремонтированы, включая бильярдную комнату.

Кунегонда улучшила и личные покои, установив мраморную ванну, которую привезли из Эрлангена, места, расположенного недалеко от Нюрнберга. Новая мебель для дворца, за проектированием которой она следила, была привезена из Кобленца. Сиденья были обиты тканями из Страсбурга; ранее был уволен обойщик из Рурмонда за то, что он был недостаточно хорош. Кунегонда обладала хорошо развитым чувством соотношения цены и качества. Будучи младшей дочерью курфюрста Фридриха Августа II Саксонского, короля Польши, она была абсолютно светской женщиной и одновременно очень практичной. Как ни странно, у нее не было постоянного места жительства или прописки. Кунегонда не жила, она гостила — иногда в семье своего брата Клеменса в Кобленце, иногда в Эссене или в Торне. Это было еще до собрания семьи в Торнском дворце в тот самый год, когда мир пошатнулся до основания. Конечно, Кунегонда обратила внимание на Французскую революцию, ведь она была родной тетей французского короля Людовика XVI, который умер на гильотине двумя годами ранее. Она знала о патриотических восстаниях то тут, то там. Негативные для знати события подбирались все ближе и ближе, пока в Льеже не начался бунт. Но когда осенью 1791 года она водила семью и друзей по своему обновленному дворцу, она не знала, что это будет ее последний счастливый момент в Торне.

Когда в 1794 году французские войска вторглись в город, Кунегонда уже уехала в Кобленц. Штифт-дамы также вернулись в свои семьи, оставив прекрасно отреставрированный дворец, дома и постройки... Французы мало уважали дворянство и церковь. Без оглядки на славное прошлое дворец, аббатство и хозяйственные постройки были снесены. Уцелела только коллегиальная церковь; в 1814 году Наполеон дал разрешение использовать ее в качестве приходской церкви.

К той же стене, на которой висят доски с именами аббатис, прикреплена такая же крупная доска с краткой историей аббатства и схемой построек, которых, увы, больше нет.